

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 95–102, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-95-102
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.31

The Phonetic Appearance of the Nizhneudinsk Dialect of the Buryat Language: Current State

Yuliya D. Abaeva¹

¹ Ph. D. in Philology, Research Associate, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation).
E-mail: julaba@yandex.ru.

Abstract

The article analyzes the current state of the phonetic system of the Nizhneudinsk dialect of the Buryat language in comparison with corresponding data collected by other researchers more than forty years ago. The Nizhneudinsk dialect is the most western Buryat dialect and is isolated from the others, so its phonetics has a lot of unique features. The materials were obtained during the 2016 expedition to Nizhneudinsky District of Irkutsk Oblast. Nowadays the dialect can be designated as endangered, so its recording and analysis are timely and relevant.

The analysis of the recorded materials revealed the peculiarities as follows.

In vocalism: the back vowels *a*, *u*, *o* become the front ones *ä*, *ü*, *ö* before the vowel **i* in the following syllable: *bär'ika* < *bariqu* 'to hold', *kürigan* < *quriyan* 'lamb'; both front and back diphthongs become front monophthongs: *sää* < *čai* 'tea', *öö* < *oi* 'wood', *tüümer* < *tuyimer* 'fire', *k'üüten* < *küyiten* 'cold', *t'iime* < *teyimü* 'this kind', *dülee* < *dülei* 'deaf'; quite a number of words preserve the unbroken **i* in the first syllable: *t'iree* < *kirüge* 'saw', *sh'inika* < *činaqu* 'to cook'.

In consonantism: the stop character of the sound *k*, developed from **q* and **k*, instead of the fricative *kh* in other Buryat dialects: *kur'im* < *qurim* 'wedding', *daka* < *daqa* 'fur-coat'; transformation of **gi* into *d'i*, and **ki* into *t'i*: *erd'i* < *ergi* 'coast', *tart'i* < *tariki* 'brain', *art'i* < *ariki* 'alcohol'; interchange of dorsal stop and fricative consonants: *jir naashaa* ~ *d'ir naashaa* < *ire nayasi* 'come here'; preservation of affricates in some words: *kün'd'il* ~ *kün'dzhil* < *könjil* 'blanket', *nant'ika* ~ *nanchika* < *nančiqu* 'to beat'; the palatalized character of the sound *sh*: *sh'i* < *či* 'you', *kash'ar* < *qačar* 'cheek', palatalization of a consonant in the position before front vowels: *m'üükaa* 'некрасивый', *or'öö* 'late'.

Still, some deviations from the rules occur: sometimes informants pronounce the fricative *kh* instead of the stop *k*; in some cases diphthongs are preserved. These deviations in the speech of the Nizhneudinsk Buryats appeared under the influence of other Buryat dialects and are also determined by the poor knowledge of the native Buryat dialect.

Keywords: Buryat language, Nizhneudinsk dialect, phonetics, vocalism, consonantism.

Нижнеудинский говор — самый западный говор бурятского языка, носители которого проживают в Нижнеудинском районе Иркутской области. Согласно диалектной классификации И. Д. Бураева, он представляет собой самостоятельный говор, стоящий особняком от других западно-бурятских говоров и диалектов [Бураев 1988: 24]. Вследствие изолированности от остальной части бурятского народа, иноязычных контактов, русскоязычного окружения, а также истории своего сложения, звуковой облик этого говора характеризуется рядом уникальных черт, не имеющих аналогов в других бурятских говорах и диалектах.

В июле 2016 г. учеными из Бурятского госуниверситета и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН была организована совместная экспедиция к нижнеудинским бурятам. Нужно отметить, что за последние сорок лет это первая лингвистическая экспедиция в этот регион. Членам экспедиции удалось встретиться с носителями нижнеудинского говора, сделать записи образцов разговорной речи в рамках специальной программы для дальнейшего исследования его сегментных и суперсегментных характеристик. Собранный материал войдет составной частью в создаваемую в отделе языкознания ИМБТ СО РАН Звуковую базу данных бурятских диалектов. Эта база данных представляет собой звучащий корпус аннотированных диалектных текстов, который позволит зафиксировать живой бурятский язык во всем его диалектном разнообразии, а также даст новый материал для изучения диалектов на всех уровнях. В настоящее время это направление по созданию звучащих корпусов и мультимедийных баз данных по различным языкам и диалектам активно развивается в рамках корпусной лингвистики [Долозова 2010; Куканова 2012; Некрасова 2010; Степанова 2008; Шерстинова 2008]. По мнению исследователей, создание звучащих корпусов можно назвать одной из главных задач лингвистов, так как «произношение, артикуляцию и так называемые „живые“ процессы устной речи невозможно реконструировать по письменным текстам» [Куканова 2012: 142].

Ценность полученного материала заключается в том, что языковая ситуация с данным говором в настоящее время очень сложная. Все люди старшего поколения, которые в детстве говорили на бурятском, в настоя-

щее время в основном являются билингвами с доминирующим русским языком. Они используют русский язык как средство общения не только на работе и в общественных местах, но и в быту, внутрисемейном общении и оставляют бурятскому языку лишь роль вспомогательного средства, иногда вставляя бурятские слова и фразы в русскую речь. Молодежь практически не владеет бурятским языком. Как пишет В. Алпатов, «язык, почти лишенный одноязычных носителей и практически не известный в младшем поколении, подвержен реальной угрозе исчезновения» [Алпатов 2005].

В Нижнеудинском районе Иркутской области имеются два бурятских села: Кушун (бур. *Шугул*) и Мунгутубулук (бур. *Мунгэтэ булаг*). Село Кушун насчитывает порядка 70 дворов, часть из которых пустует, численность населения немногим более 100 человек. Село Мунгутубулук насчитывает четыре семьи. В селах нет школ и библиотек. Дети учатся в соседних русскоязычных школах. В ходе экспедиции были записаны четыре диктора — двое мужчин и две женщины. Средний возраст дикторов — 60 лет, все они являются уроженцами с. Кушун. Информанты утверждают, что в детстве говорили только по-бурятски, а русский язык стали изучать в школе. Постепенно бурятский язык был вытеснен из повседневного общения как в быту, так и в общественной жизни, и на сегодняшний день основной язык их общения — русский.

Ранее фонетические особенности нижнеудинского говора исследовались в работах М. Кастрена [1857], Г. Д. Санжеева [1930], А. А. Дарбеевой [1960; 1978; 1996], В. И. Рассадина [1999]. В. И. Рассадин, характеризуя фонетический облик нижнеудинского говора, указывает, что в нем сохраняется ряд архаичных черт и имеется ряд инноваций. К архаичным чертам он относит наличие большого количества слов, не подвергшихся перелому **i*; смычный характер согласных, возникших на месте **q* и **k*; сохранение аффрикаты **j* и смычный характер ее заменителей *дь* и *дж*. Также в ряду особенностей консонантизма описываемого говора В. И. Рассадин упоминает чередование согласных: *й* и *дь* (*йаһан* ~ *дьаһан* ‘кость’), *һ* и *г* (*нарһан* ~ *нарган* ‘сосна’), *һ* и *к* (*һуму* ~ *куму* ~ *кхуму* ‘пуля’). Среди возникших в более позднее время особенностей фонетики нижнеудинского говора, представляющих одну из наиболее ярких

его черт, В. И. Рассадин называет опередние твердорядных гласных под влиянием *i и образование опередненных долгих монофтонгов и дифтонгов [Рассадин 1999: 149].

Записанный материал позволяет проследить сохранение или изменение основных характеристик вокализма и консонантизма нижеудинского говора и его современное состояние.

Процесс опереднения гласных в позиции перед палатальным согласным и последующим *i наиболее сильно отразился на фонеме [a], фонемы [o] и [y] затронуты этим процессом в гораздо меньшей степени. Нами зафиксированы случаи опереднения, аналогичные описанным предыдущими исследователями: *бәр'кая*, *бәрика* < *barıqu* 'ловить, держать', *зәр'им*, *зәр'мууд* < *jarım* 'некоторые', *нәр'ишхан* < *narın* 'тонкий, узкий', *күриган* < *qurıgan* 'ягненок'. В. И. Рассадин приводит пример перехода *o* в *ö* в слове *мөрин* < *morin* 'лошадь' [Рассадин 1999: 20], однако во всех наших записях дикторы произносят *морин* с твердорядным *o*.

Дифтонги и дифтонговые комплексы в нижеудинском говоре, как правило, развились в долгие монофтонги. Процесс опереднения коснулся и долгих гласных: развитие долготного комплекса **aya* в мягкорядный *äy* происходит в тех случаях, когда в последующем слоге стоит *i: **tayarıqu* > *määraxa* 'отрезать, отпиливать'. Долгие гласные, появившиеся на месте монофтонгизированных твердорядных дифтонгов, в нижеудинском говоре также становятся переднеязычными:

**ayi* > *äy*: *с'äy* < *cai* 'чай', *б'äйна* < *bayına* 'стоит', *äйкая* < *ayıqu* 'бояться';

**oyi* > *öy*: *өy* < *oi* 'лес', *н'өөтөн* < *noyitan* 'мокрый';

**uyi* > *üy*: *түүмэр* < *tuimer* 'пожар', *үүлкаяя* < *uyılaqu* 'плакать'.

Тот же процесс имел место в непервых слогах: *нокөө* ~ *нокäy* < *noqai* 'собака', *гакäy* < *yaqai* 'свинья', *м'үүкäy* < *tauıqai* 'некрасивый', *äамаштäy* < *ayımşıytai* 'опасный', *ор'өө* < *oroı* 'поздно', *кар'гүү* < *qarγui* 'дорога'. Также выявлены случаи перехода всего слова в мягкий ряд: *тәр'äйн* < *tariyan* 'зерно, посева', *нäйшäy* < *naγasi* 'сюда', *ш'äp'äy* < *cirai* 'облик'.

Мягкорядные дифтонги также трансформировались в мягкорядные долгие монофтонги: *к'үүтэн* (*хүйтэн*¹) < *küıiten*

¹ Здесь и далее в скобках для сравнения приведены данные литературного бурятского языка.

'холодный', *күштээ* (*хүсэтэй*) < *kücünitei* 'сильный', *тиимэ* < *teyimü* 'такой', *дүлээ* (*дүлиш*) < *düleı* 'глухой'. В наших записях имеются случаи сохранения дифтонгов или, возможно, их повторного появления под влиянием литературного языка. Так, современные дикторы произносят: *ойлгонош* 'понимаешь' вм. *өөлгонош*, *уылкаяя* 'плакать' вм. *үүлка*, *түймэр* вм. *түүмэр* 'лесной пожар'. Отрицательная частица также сохраняет дифтонговость: *үбээ* ~ *үбүэ* < *ügeı* 'нет'.

Перелом гласного *i в нижеудинском говоре охватил гораздо меньшее количество слов, чем в других монгольских языках и диалектах. Гласный *и* в первом слоге сохранился во многих словах: *т'ирээ* (*хюрөө*) 'пила', *нидэн* (*нюдэн*) 'глаз', *шидэн* (*шүдэн*) 'зуб', *жиргоон* (*зургаан*) 'шесть', *д'иһэн* (*юһэн*) 'девять', *д'ирэн* (*ерэн*) 'девьяноста', *ш'ирган* (*шарга*) 'сани', *ш'инкая* (*шанаха*) 'варить', *д'илааһан* (*альяаһан*) 'муха', *ш'ингаар* (*шангаар*) 'сильно'. Вместе с тем процесс перелома гласного *i в нижеудинском говоре все же имел место: *зүһэн* < *jisün* 'масть животного', *загаһан* < *jiγasun* 'рыба', *м'акан* < *miqan* 'мясо', *шарка* < *siraqu* 'жарить', *шоно* < *čini-a* 'волк', *нюр-гун* < *nirγun* 'спина', *шуһан* ~ *шухун* < *čisun* 'кровь', *нюдурган* < *nidury-a* 'кулак', *шулуун* < *čilayun* 'камень', *түмһан* < *kimusun* 'ноготь'. Зафиксированы случаи параллельного употребления слов с переломом и без: *шибуукäy* ~ *шубуукäy* 'птичка', *ш'игнакая* ~ *шагнакая* 'слушать', *ш'индаган* ~ *шандаган* 'заяц', *жиргоон* ~ *жоргоон* 'шесть', *нидэн* ~ *нюдэн* 'глаз', *ш'ирäy* ~ *ш'äp'äy* 'облик'.

В некоторых словах гласный *i сохраняется без перелома в виде [э]: *шэлэн* (*шүлэн*) < *silün* 'бульон', *шэлһэн* (*шүлһэн*) < *silüsün* 'слюна', *сэлээтэй* (*сүлөөтэй*) < *čilügetei* 'свободный'.

В ряде случаев фонема [э] развилась на месте гласных *ö и *ı: *зэгээ* < *jögeı* 'пчела', *мэлһэн* < *mölsün* 'лед', *мэнэ* < *mönü* 'сейчас', ср. в аналогичных случаях в литературном бурятском языке имеем [ү]: *зүгы*, *мүльһэн*, *мүнөө*. Нами зафиксированы случаи параллельного употребления двух вариантов: *бүлэжэн* ~ *бэлэжэн* < *büliyen* 'теплый', *дүрбэн* ~ *дэрбэн* < *dörben* 'четыре', *дүшэн* ~ *дэшэн* < *döčün* 'сорок', *үмдэн* ~ *эмдэн* < *ötüdiin* 'штаны'.

В других же случаях из *ö и *ı в нижеудинском говоре развилась одна фонема [ү]. Хотя в материалах Г. Д. Санжеева [1930: 5],

А. А. Дарбеевой [1978: 31] признается фонематичность мягкорядного краткого [ə], В. И. Рассадина считает спорным его существование в качестве самостоятельной фонемы [Рассадина 1999: 26]. Наши наблюдения подтверждают мнение В. И. Рассадина: үглээ < örlüge ‘утро’, күкиэн < kögsin ‘старый’, үнгэ < öngge ‘цвет’, мүнгэн < mönggü ‘серебро’, күкэ < köke ‘синий’. В этих и других подобных случаях дикторы произносят у, а не ө.

Особенность сингармонизма нижеудинского говора, которая не встречается в литературном бурятском языке, — это наличие гласных у / ү в непервых слогах: нүкүн (нүхэн) < nüke ‘яма, дыра’, уту (ута) < urtu ‘длинный’, күндү (хүндэ) < күндү ‘тяжелый’. Все эти слова зафиксированы нами только в таком варианте. В других случаях возможно чередование с вариантом а / э: үхун ~ ухан ‘вода’, нюргун ~ нюрган ‘спина’, нюдурга ~ нюдарга ‘кулак’, үхүн ~ үхэн ‘волосы’.

Сравнивая наши данные с материалами В. И. Рассадина [1999: 28], мы приходим к выводу, что четкого правила произнесения таких слов не существует. Те слова, которые зафиксированы В. И. Рассадиным только в одном варианте с у / ү во втором слоге, в наших записях дикторами произносятся по-разному с у / ү и с а / э: тугул ~ тугал ‘теленек’, үбүр ~ үбэр ~ эбэр ‘рог’, шуһун ~ шуһан ‘кровь’, булгун ~ булган ‘соболь’, күһун ~ күһан ‘береза’. В некоторых случаях все записанные нами дикторы произносят вариант с а / э: куса вм. кусу ‘баран’, куда вм. куду ‘сват’, күкэ вм. күкү ‘синий’.

Еще одна особенность сингармонизма нижеудинского говора — широкий неогубленный ээ после гласного ү в первом слоге. В литературном же бурятском языке действует правило лабиального сингармонизма, согласно которому огубленные гласные корня слова, в том числе мягкорядный, узкий ү, обычно влекут за собой огубленность гласного в аффиксе [Правила орфографии и пунктуации бурятского языка 2009: 99]. Нами выявлены следующие случаи несовпадения правил сингармонизма: үглээ (үглөө) < örlüge ‘утро’, күдээ (хүдөө) < ködüge ‘степь, поле’, нижеуд. ‘лес’, гүрээһэн (гүрөөһэн) < görügesü ‘дикая коза’, түрээб (түрөөб) < törüge bi ‘я родился’, хүкээрээ (хүхөөрөө) < süke-ber-iyen ‘топором’.

В области консонантизма наиболее яркой чертой, выделяющей нижеудинский

говор среди других говоров и диалектов бурятского языка, является смычный характер согласных, развившихся на месте исторических *q и *k: күлээкэ (хүлээхэ) < küliyekü ‘ждать’, курум (хурим) < qurim ‘свадьба’, дака (даха) < daqa ‘доха’. Современные дикторы иногда произносят проточный звук х вместо смычного к. Это явление встретилось почти у каждого диктора: Диктор 1: биш’ишан ‘маленький’, наришхан ‘тонкий, узкий’, дархан ‘кузнец’; Диктор 2: бис’аахан ‘маленький’, бариха ‘ловить, держать’, мякан ~ мяхан ‘мясо’, худа ‘сват’; Диктор 3: бяр’хая ‘ловить, держать’, хаахая ‘доить’, няахая ‘клеить’.

Это явление можно объяснить влиянием других западных диалектов и литературного языка на фоне общего ослабления владения своим родным говором. Информанты стремятся привести свою речь к «правильному» варианту. Еще одной возможной причиной является уменьшение контактов с соседними тюркскими языками, а именно: тофаларским, который, по мнению В. И. Рассадина, оказывал поддерживающее влияние на специфические черты нижеудинского говора, аналогичные имеющимся в тофаларском языке [Рассадина 1999: 149].

Другая особенность системы консонантизма данного говора — это развитие исторического комплекса *ki в t’i (mu)*, a gi в d’i (du): тирээ (хюрөө) < kirüge ‘пила’, тарт’у (тархи) < тарихи ‘головной мозг’, т’юмһан (хюмһан) < kimusun ‘ногти’, сатилка (сахилгаалха) < çakilyaqui ‘сверкать (о молнии)’, арт’у (архи) < арихи ‘водка’, тамт’у (тамхи) < тамахи ‘табак’, эрди ~ эрьёе (эрье) < ergi ‘берег’.

Интерес вызвало то, что Диктор 2 слово ‘берег’ произносит с сохранением слога ги: эрьгэ. Такой вариант произнесения этого слова встречается в других монгольских языках: в халха-монгольском — эрэг, в калмыцком — эрг ‘берег’.

Чередование среднеязычных смычного ħ и щелевого j — не редкость для нижеудинского говора, помимо описанных уже в работах предшественников слов (д’ирэн ‘девяносто’, д’иһэн ‘девять’, д’илааһан ‘муха’), в наших записях встретилось: йир наашаа ~ д’ир наашаа < ire naγasi ‘иди сюда’. В. И. Рассадина считает это уникальным явлением, не встречающимся ни в одном другом монгольском языке [Рассадина 1999: 35].

Как известно, в говорах и диалектах бурятского языка аффрикаты потеряли свой смычный компонент и развились в щелевые звуки [Рассадин 1982: 132], исключение в данном случае составляют южные говоры. В нижеудинском говоре ситуация, в общем, такая же, как и в большинстве других говоров, но в единичных случаях аффрикаты сохраняются: *джиргоон* ~ *жиргоон* (*зургаан*) < *jiγuγan* 'шесть', *куньдил* ~ *куньджил* (*хунжэл*) < *kōŋjil* 'одеяло', *нант'икаяа* ~ *нанчикаяа* (*наншаха*) < *nančiqi* 'бить, ударить'.

Помимо описанных особенностей, которые мы сравнивали в динамике с данными предыдущих исследователей, наше внимание привлекли характеристики консонантизма, на которые в литературе нет прямых указаний. Например, смягченный характер звука *ш* [ш']: *ш'и* < *či* 'ты', *биш'ишхан* < *bičiqan* 'маленький', *ш'ирган* < *čirγa* 'сани', *ш'агнакая* < *čingnaqi* 'слушать', *ш'андаган* < *čindaγ-a* 'заяц', *каш'ар* (*хасар*) < *qačar* 'щека', *ши'кэркэе* < *isgereki* 'свистеть'. В своих работах А. А. Дарбеева отмечает смягченный характер этого звука лишь в некоторых словах в позиции перед гласным *i*: *каш'ир* 'щека', *ш'илгāка* 'протравить', *ш'илака* 'томиться от безделья'; но: *ш'ишгалдā* 'пташка', *ш'ёкаң* 'чирий' [Дарбеева 1978]. Можно предположить, что этот щелевой свистящий звук, образованный из аффрикаты *č, сохранил в своей артикуляции приподнятый характер средней спинки языка. Однако, чтобы выявить зависимость употребления такого варианта этого звука от определенных позиционных условий, следует рассмотреть этот процесс на более обширном материале.

Еще одна особенность консонантизма, которая не встречается в других диалектах, — это палатализация согласных в позиции перед мягкорядными гласными: *м'үүкāй* 'некрасивый', *ор'өө* 'поздно', *к'үүтан* 'холодный', *б'āй* 'стой'.

Как можно заметить из проведенного анализа, для звукового облика нижеудинского говора характерна значительная фонетическая вариативность. Сами кушунцы говорят: «У нас в селе верхний край и нижний край говорят по-разному». Многие слова имеют несколько вариантов произнесения, так, слово *bičiqan* 'маленький' имеет следующие варианты: *бити-икан*, *биш'ишхан*, *бис'ишкан*, *биш'аахан*, *бис'аахан*. Это обусловлено историей фор-

мирования этого говора, неоднородностью этнических компонентов, вошедших в его состав, а также, возможно, влиянием других западных диалектов и литературного варианта бурятского языка. Звуковая вариативность этого говора также может быть объектом последующих исследований.

Таким образом, анализ современных записей нижеудинского говора бурятского языка показал, что основные звуковые особенности сохраняются в речи его носителей. К инновациям, возникшим в последние десятилетия, можно отнести случаи сохранения или повторного появления дифтонгов, произнесения проточного *x* на месте смычного *k*, сохранение комплекса **gi* на примере слова *эрьгэ*. Эти изменения, вероятно, обусловлены влиянием других бурятских говоров и диалектов, в том числе литературного варианта, на фоне общего ослабления владения родным языком. Языковая ситуация в регионе вызывает опасения, поскольку данный говор находится под угрозой исчезновения. Другими словами, фиксация и исследование его звуковой материи крайне необходимы.

Литература

- Алтаев В. Языковая ситуация в регионах современной России // Журнал «Отечественные записки». Вып. 2 (23). 2005 [электронный ресурс] // URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 22.09.2016).
- Бураев И. Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1988. С 2–26.
- Дарбеева А. А. Предварительные данные о языке нижеудинских бурят // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Вып. 3. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. С. 118–126.
- Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (на материале монгольских языков). М.: Наука, 1978. 210 с.
- Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М.: Наука, 1996. 171 с.
- Долозова О. Н. Создание и лингвистическая разметка звуковой словарно-грамматической базы данных по ительменскому языку // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодн.

- Межд. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 113–118 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1493/18.pdf> (дата обращения: 20.10.2016).
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. № 3, 2012. С. 138 — 150.
- Некрасова Г. А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 13–16.
- Правила орфографии и пунктуации бурятского языка. Справочное издание / под ред. Л. Д. Шагдарова. 2-е изд. Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. 168 с.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин В. И. Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 160 с.
- Санжеев Г. Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят // Мат-лы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурятской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 8. С. 11.
- Степанова С. Б., Асиновский А. С., Богданова Н. В., Русакова М. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По мат-лам ежегодн. межд. конф. «Диалог». Периодическое издание. Вып. 7 (14). 2008. С. 488–494 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1796/76.pdf> (дата обращения: 22.09.2016).
- Шерстинова Т. Ю. Лингвистические мультимедийные архивы и национальный Фонд звучащей речи «Голоса народов России» // Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. «Национальный электронный звуковой депозиторий — технологии сохранения звукового наследия России». 28–29 августа 2008 г. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург [электронный ресурс] // URL: <http://peliken.iphil.ru/Doklad-Sherstinova.pdf> (дата обращения: 30.09.2016)
- Castrén M. A. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, hrsg. von A. Schiefner. St-Pt., 1857. 272 p.
- References**
- Alpatov V. *Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoy Rossii* [The Language Situation in the Regions of Modern Russia]. *Otechestvenniye zapiski* [Patriotic Notes journal]. Iss. 2 (23), 2005. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (accessed: 22 September 2016) (In Russ.).
- Buraev I. D. *Osnovnye etapy issledovaniya buryatskikh dialektov i ikh klassifikatsiya* [The main stages in the study of the Buryat dialects and their classification]. *Razvitiye i vzaimodeystvie dialektov Pribaikaliya* [Development and interaction of dialects in the Baikal region]. Ulan-Ude, Publ. House of the Buryat Scientific Center, 1988, pp. 2–26 (In Russ.).
- Darbeeveva A. A. *Predvaritelniye danniiye o yazyke nizhneudinskikh buryat* [Preliminary data on the language of Nizhneudinsk Buryats]. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta SO AN SSSR* [Transactions of the Buryat Comprehensive Research Institute of the SB of the USSR AS]. Iss. 3. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, pp. 118–126 (In Russ.).
- Darbeeveva A. A. *Vliyaniye dvuyazychiya na razvitiye izolirovannogo dialecta (na materiale mongolskikh yazykov)* [Influence of bilingualism on the development of an isolated dialect (evidence from Mongolian languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 210 p. (In Russ.).
- Darbeeveva A. A. *Istoriko-sopostavitel'niye issledovaniya po grammatike mongolskikh yazykov. Fonetika* [A historical and comparative studies on the grammar of Mongolian languages. Phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 171 p. (In Russ.).
- Dolozova O. N. *Sozdaniye i lingvisticheskaya razmetka zvukovoy slovarno-grammaticheskoy bazy dannykh po itel'menskomu yazyku* [A sound lexico-grammatical database of the Itelmen language: creation and linguistic annotation]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektualniye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 26-30 maya 2010)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Iss. 9 (16). Moscow, Russ. State Univ. for the Humanities Press, 2010, pp. 113–118. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1493/18.pdf> (accessed: 22 August 2016) (In Russ.).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. *Natsional'ny korpus kalmytsk-*

- ogo yazyka: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya [The Kalmyk National Corpus: architecture and feasibilities of using]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012, No. 3, pp. 138–150 (In Russ.).
- Nekrasova G. A. *Elektronny dialectniy korpus kak resurs sokhraneniya i izucheniya komi dialektov* [The Digital Dialect Corpus as a resource for preservation and investigation of the Komi dialects]. *Finno-ugorsky mir* [Finno-Ugric World journal], 2010, No. 1, pp. 13–16 (In Russ.).
- Pravila orfografii i punktuatsii buryatskogo yazyka. Sravochnoye izdaniye* [The orthographic and punctuation rules of the Buryat language. A reference book]. Edit. by L. D. Shagdarov. 2nd edition. Ulan-Ude, Belig Publ., 2009, 168 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I. *Ocherki po istoricheskoy phonetike buryatskogo yazyka* [Sketches on the historical phonetics of the Buryat language]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 199 p. (in Russ.).
- Rassadin V. I. *Stanovleniye govora nizhneudinskihk buryat* [The formation of the Nizhneudinsk Buryats' dialect]. Ulan-Ude, Publ. House of the Buryat Scientific Center, 1999, 160 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Foneticheskiye osobennosti govora nizhneudinskihk buryat* [Phonetic features of the Nizhneudinsk Buryats' dialect]. *Materialy komissii po issledovaniyu Mongolskoi i Tannu-Tuvinskoi Narodnykh respublik i Buryatskoi ASSR* [The materials of the Commission for Exploration of Mongolian and Tannu-Tuvinian People's republics and the Buryat ASSR]. Iss. 8. Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1930, p. 11 (In Russ.).
- Stepanova S. B., Asinovskiy A. S., Bogdanova N. V., Rusakova M. V., Sherstinova T. Yu. *Zvukovoy korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya "Odin rechevoy den'": kontseptsiya i sostoyanie formirovaniya* [Speech Corpus of the Russian everyday communication "One Speaker's Day": basic conception and current state]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektualniye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Iss. 7 (14), 2008, pp. 488–494. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1796/76.pdf> (accessed: 22 September 2016) (In Russ.).
- Sherstinova T. Ju. *Lingvisticheskie mul'timedijnye arhivy i nacional'nyj Fond zvuchashhej rechi "Golosa narodov Rossii"* [Linguistic multimedia archives and the National foundation of sounded speech "Voices of Russia's peoples"]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii: «Nacional'nyj elektronnyy zvukovoy depozitarij — tekhnologii sohraneniya zvukovogo nasledija Rossii»*. 28–29 avgusta 2008 [Proc. of the International research and practice conference — The National Digital Sound Depository: Technologies for Preservation of Russia's Heritage of Sounds. August 28–29, 2008]. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Saint Petersburg. Available at: <http://peliken.iphil.ru/Doklad-Sherstinova.pdf> (accessed: 30 September 2016) (In Russ.).
- Castrén M. A. *Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis*, hrsg. von A. Schiefner [An effort of Buryat language teaching alongside with a short glossary]. Saint Petersburg, Publ. House of the Imperial (St. Petersburg) Academy of Sciences, 1857 (In German).

УДК 811.512.31

ЗВУКОВОЙ ОБЛИК НИЖНЕУДИНСКОГО ГОВОРА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Юлия Догоржаповна Абаева¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: julaba@yandex.ru.

Аннотация. Нижнеудинский говор — самый западный изолированный говор бурятского языка, которому присущи уникальные фонетические черты. Материал исследования получен во время экспедиции в места проживания носителей данного говора. На сегодняшний день этот говор находится на грани исчезновения, следовательно, фиксация и анализ его звуковой материи являются насущной необходимостью. В статье рассматриваются фонетические особенности говора, а также проводится сопоставление с материалами, полученными более сорока лет назад другими исследователями. В результате исследования выявлено, что основные характерные черты этого говора сохраняются. В вокализме: опереднение гласных первого слога под влиянием гласного *i в следующем слоге; монофтонгизация дифтонгов; сохранение значительного количества слов без перелома *i; особенности сингармонизма. В консонантизме: смычный характер согласных, развившихся на месте исторических *q и *k; развитие исторического комплекса *ki в t'i, *gi в d'i, сохранение в некоторых словах аффрикаты дж, палатализация согласных перед мягкорядным гласным, смягченный характер звука [ш']. Вместе с тем нам встретились отступления от традиционных правил. Так, дикторы в некоторых случаях произносят проточный звук [x], на месте характерного для говора смычного [к], зафиксированы случаи употребления дифтонгов. Эти изменения, вероятно, возникают под влиянием других западных диалектов или литературного бурятского языка на фоне общего ослабления владения родным говором.

Ключевые слова: нижнеудинский говор, бурятский язык, фонетика, вокализм, консонантизм.